

У меня есть брошь из Белграда.
Я броши рада.
И она мне рада.
Мама охает: «Пятьдесят ойро,
вот оно тебе надо?
Собираешь безделки со всей земли!
Купить бы лучше риса и гречки,
а не брошь, оставшуюся после мертвой девочки».
Мама, она живая,
в ней чернота воды Дуная
и бомбежка Белграда,
в ней человек с мишенью над головой:
«Стреляй в меня!»
Брошь – серебро и оникс.
Бомбежка Белграда – забытый комикс,
словно и не было ничего.
Но посмотришь в черную брошь, как зеркало,
и увидишь серба,
который ее когда-то купил для дочери,
но не успел подарить.
Война – это то, что никогда
не может быть кончено
для живых.

До чего же стыдно.

Все эти лица,

лица на фоне десятка яиц,

масла, сыра и банки с горошком.

Бабушка Нюра и ее облезлая кошка,

бабушка Нюра в халате цветастом и разных носочках,

похоронила двух сыновей и дочку,

живет на пенсию и подачки.

Растягивает на месяц пачку гречки.

Бабушку Нюру добрые волонтеры усаживают за стол,

раскладывают красиво продукты перед,

говорят бабушке Нюре:

«Смотрите-смотрите, сейчас вылетит птичка!»

И бабушка Нюра смотрит,

глаза ее – чистые слезы, совсем без цвета.

И бабушка Нюра смотрит.

Прекрасная бабушка Нюра, беззубая бабушка.

Ей стыдно позировать, но ведь так надо!

Сказали ей волонтеры, что нужно

смотреть прямо в камеру. Нужно!

Иначе добро не зачтется.

Кем не зачтется?

Кому не зачтется?

Пока был жив муж, бабушка Нюра ни у кого ничего не просила.

Муж говорил: «Ты у меня красивая!»

А теперь бабушка Нюра шепчет губами

бескровными прямо в камеру:

«Спасибо, Россия».

И за окном бабушки Нюры начинается лес.

Когда мне надо говорить о моем Донецеке,
я надеваю свое самое красивое платье,
беру у мамы ее лучшие серьги
розового металла с черными жемчужинами.
Подарок второго мужа.
Они больно оттягивают мочки.
Когда мне надо говорить о моем Донецеке,
то всего мало.
Колготки недостаточно тонки,
каблуки не так высоки, как хотелось бы.
Подбородок и шея дряблее, чем нужно,
а линия плеч слишком поката,
чтобы выйти и во всю глотку
сказать четко-лобово-линейно.
Сказать так, чтобы услышали
в городах на Днепре, Шпрее и Сене,
какой он – город на Кальмиусе!
Само слово «Донецк» отныне и навсегда –
бумага лакмусовая,
проверка, которую многие не проходят,
похлеще тех, что в зданиях аэропортов,
когда ты достаешь новый,
совсем еще не потертый
паспорт о двух головах орла.
Я – пришелец с планеты Ордла,
прямая наводка.
Когда мне надо говорить о моем Донецеке,
я крашу губы и подвожу глаза,
густо кладу румяна, пудру, тени,
расчесываю волосы, начесываю их у корней.
Я всегда произношу слово «Донецк» круглым ртом, словно пропеваю,
так меня учили в хоре.
Все красивые слова надо произносить круглым ртом.
Когда мне надо говорить о моем Донецеке,
я беспокоюсь, чтобы мой маникюр был достаточно свеж,
ведь разговор о Донецеке не обходится
без того, чтобы не взмахнуть руками.
Без того, чтобы не жестикулировать бурно.
Единственное, что меня беспокоит,
когда мне надо говорить о моем Донецеке, –
это то, что я недостаточно красива,
чтобы говорить о нем!
Нос кирпат, волосы жидки, спина сутула.
О Донецеке должны говорить самые красивые девы
с жемчужными зубами и алыми губами.
Тонкие голубоглазые нимфы в невесомых платьях,
покачивающиеся, словно от степного ветра,
на высоких шпильках.
Когда мне надо говорить о моем Донецеке,
я хочу быть безупречной,
такой же безупречной, как мой Донецк.

Папа снился.

Говорил: «Аня, куда ты без СНИЛСа,
куда без паспорта
на общественном транспорте
в легком пальто.

Моя девочка – без роду, без племени,
с регистрацией временной,
с войной за плечами, не имеющей ни конца, ни края.
Ты уже не моя, не та моя пианистка и книгочейка.
Ты другая. Для тебя не найдут ни бесплатных врачей,
ни прочих льгот.

Шестой год, шестой чертов год».

Папа, не снись, то есть снись, но не снись так плохо.

Сдался мне этот СНИЛС, полис и прочие доки.

Давай просто сидеть на облаке,
говорить о том, как у нас в Донццке
к концу июля всегда случались
удивительные закаты.

Ты курил в них свои верблюжьи в крапинку сигареты.

Я говорила: «Еще целый месяц лета! Огромного желтого лета!

А дальше – хоть война, хоть сума...»

Не сойти бы с ума, папа, не сойти бы только теперь с ума.